

УДК 947.08(470.621)

ББК 63.3(2)51

Ч-91

Чунтыжева Рима Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права факультета информационных систем в экономике и юриспруденции Майкопского государственного технологического университета, т.: 8(960)4999252

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА АДЫГОВ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
(рецензирована)**

В статье рассматриваются аспекты, связанные со степенью влияния традиционной культуры адыгов на процессы консолидирующего, государственнообразующего характера. Анализируется своеобразие традиционной культуры, аккумулирующей резервы двойного свойства: с одной стороны, подпитывая внутреннее единство общества, с другой, усугубляя раскол в обществе.

Ключевые слова: *культура, адыгэ хабзэ, Черкесия, адыги, консолидация, государственнообразующие факторы.*

Chuntyzheva Rima Vladimirovna, Candidate of History, associate professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Information Systems in Economics and Law of Maikop state technological university, tel.: 8(960)4999252.

**TRADITIONAL CULTURE OF THE ADYGHES AND SOCIAL AND
POLITICAL PROCESSES: INTERRELATION AND CONDITIONALITY
(reviewed)**

The article considers the aspects connected with extent of influence of traditional culture of the Adyghs on the processes of consolidating, state-forming character. The originality of the traditional culture accumulating reserves of double property has been analyzed: on one hand, feeding internal unity of society, on the other, aggravating society split.

Keywords: *culture, the Adygh code, Circassia, the Adyghs, consolidation, state-forming factors.*

Человечество, вступая в третье тысячелетие, стремится ясно осознать, что ему нужно взять с собой из достигнутого, а что навсегда оставить истории. Обращение людей к прошлому приобретает гуманистический смысл, что становится едва ли не важнейшим фактором национально-культурного возрождения, укрепления собственной государственности. На этой волне происходит реанимация многих явлений, к которым с полным основанием может быть отнесена традиционная культура адыгов. Попытка проанализировать этот важнейший аспект способна придать большую аргументированность основным выводам по общественно-политической истории адыгов, в том числе полнее раскрыть причины отсутствия государственности в Черкесии.

Прежде всего, необходимо отметить, что во всяком государстве есть собственно сфера государства и сфера индивидуумов. Без такого разделения не может быть нормальной государственности. Государство всегда стремится расширить свою сферу и растворить в себе индивидуальное и частное, но в этом движении, оно наталкивается на известный предел, за которым начинается гибель индивидуальностей и его самого. [1] Этим пределом выступает

культура, как способ существования этноса, преодоления им исторического пространства на одной и той же исторической площади.

Без осознания культуры любого этноса, основных вех его развития, невозможно понять его образ жизни, мышление. [2] Было бы ошибочным абсолютизировать роль государства и признавать его последней целью культурного развития. Само по себе, государство не обладает творческой силой, хотя именно через него осуществляется творческая деятельность народа.

Государство направляет развитие культуры, но в качестве преимущественного выразителя воли народа. Вне всякого сомнения, культурные образования обладают определенным духовным единством и корни его следует искать в конкретных общественных условиях существования людей, задающих определенные стереотипы деятельности, систему объективных ценностей и отношения к ним, способ «включенности» в традицию. [3] В этом смысле совершенно уникальным является Кавказ, в пределах которого законодателями моды во всем, в том числе и в культуре, являлись адыги.

Географическое положение адыгов, в сущности, определило специфическую форму традиционной политической культуры, отличающуюся от культуры всех окружающих их этнических образований, а также от тех, которые в рассматриваемый период были определены рамками государственности. Последние – Грузия, Армения, Иран, Турция, античные государства, с которыми адыги находились в постоянных экономических, политических и культурных контактах, и под культурное влияние которых попали уже в период раннего средневековья – как государственные образования сформировались задолго до этого времени. Адыги же, находившиеся в своеобразном громадном коридоре, ограниченном Чёрным и Каспийским морями, Кавказскими горами и значительными степными пространствами, контролируемые кочевниками, подвергались постоянному внешнему культурно-политическому прессингу. [4]

Кочевые племена вторгаясь в пределы Кавказа приносили в среду местных племён, многие элементы своей материальной и духовной культуры, в свою очередь, сами перенимали многое из уклада жизни, обычаев и традиций коренных народов.

В условиях нашествия внешних врагов, адыги были вынуждены выкристаллизоваться как единая культурная общность, дыбы не смешаться с этими народами и сохранить свою самобытность как центральное звено своей независимости. В конечном счете, интегративным показателем этнической общности выступало самосознание народа – чувство и представления принадлежности к данному этносу, идентификация на основе признания «родственности» истории, ценностей и образцов поведения, традиций, мифов, преданий, этнических символов и т.д. В такой сущности – «родственности» – зарождались и крепили узы коллективной борьбы за существование и развитие. В «обычных», благоприятных условиях это чувство «родственности» притупляется, «забывается», но в критические моменты, в моменты «опасности», прежде всего в конфликтах оно оживало в самых различных формах. [5] В этом смысле, неоценимый опыт дали местным народам, связав их совместной борьбой против общих врагов, такие политические образования как Синдика и Зихия, ставшие для них первым примером государственного строительства. Общность исторических корней и судеб, единство социально-экономических условий предопределили возникновение единой кавказской культуры, которая, в свою очередь, всегда выступала как объединяющий фактор. Здесь шла эволюция культуры, обладающей характеристиками к супервыживаемости. И этим в первую очередь предусматривалась невозможность разрушения традиционной политической структуры и её потенциальную готовность принять в любой момент другую форму.

Очевидцы происходивших в этом регионе событий с удивлением обнаруживали, что люди чувствовали себя здесь более защищенными, чем в традиционных государственных образованиях. При отсутствии у адыгов государственности и юридически оформленных законов существовавшая здесь система ценностей оставаясь почти незримой для чужого взгляда, защищала свободу своих сограждан и обеспечивала четкое соблюдение порядка. Отсутствовали полиция и тюрьмы. Беззаконие было изначально недопустимо, поскольку встретило бы моральное осуждение большинства. [6] Отсюда и отсутствие во все времена на Северо-Западном Кавказе такого общественного устройства, при котором власть была бы сосредоточена в руках какой-либо социальной группы, способной к ограничению свободы людей. Примечательно то, что при отсутствии административных органов, единой религии, письменности и других атрибутов государственности, адыгское общество демонстрировало миру неподражаемый пример устойчивости.

У адыгов религия никогда не играла такой важной роли в жизни, как это имело место у остальных народов. Традиционная культура адыгов, адыгэ хабзэ, раскрывала почти все проблемы религии, выполняя социальные функции в жизни общества больше, чем религия. Требования религии растворялись в адыгэ хабзэ, ибо он шире, чем религия в охвате проблем общества. Вместе с тем, важно отметить, что при сравнении ключевых принципов адыгэ хабзэ и религии, в них много общего. То есть, адыгэ хабзэ аккумулировал неписанный свод законов, и саму религию. Адыгский этикет оказывался подчас сильнее, чем религиозное сознание, поэтому оно не могло вытеснить его из жизни адыгского этноса. Адыгэ хабзэ для адыгов – больше чем целая философская система взглядов на окружающий мир. Для соблюдавшего его везде и всюду народа, это был образ жизни, образ его мышления. Адыгэ хабзэ формировался как выражение ментальности адыгов, из первого вытекало второе.

С древних времён, адыгэ хабзэ приспособлялся к новым социально-экономическим и политическим условиям. Он не только регулировал поведение каждого человека, но и проникал в систему общественных институтов, способ производства, социальный строй, типы военной организации, принципы взаимоотношений адыгского общества с другими народами и т.д. Следует отметить, что функционирование и сохранение различных элементов адыгской культуры, носящих уже устойчивый характер в период самой высокой активности консолидации, достигшей наивысшей точки к концу Кавказской войны, играло немаловажную роль в укреплении психологического единства общества. В этих условиях, в немногих источниках черпало силу адыгское единство, и самым неистребимым являлась традиционная культура народа. [7] Европейские авторы часто сравнивали адыгэ хабзэ с «франкским», с рыцарским, этикетом времен первых королей Германии и Франции. Типологически адыгэ хабзэ сходен с этикетом восточных народов: китайцев, индусов, арабов, японцев – и с этикетом средневековых рыцарей Западной Европы. Много общего между традиционным японским этикетом – многочисленного сословия рыцарей – самураев, «бусидо» с уэркъ хабзэ, этикетом адыгской военной аристократии. Как и «бусидо», уэркъ хабзэ сложился в эпоху зарождения и развития феодальных отношений. У адыгов, рыцарский кодекс получил чрезвычайно рельефное развитие, как основа сословного неравенства. Едва ли можно было ожидать такой регламентации этикетных норм, если бы на этой территории сложилось государство с единодержавной властью. То есть, развитая форма этикета у адыгов отображала, с одной стороны, незавершённость консолидационных процессов и отсутствие четких государственных норм, а с другой была связана – с чрезвычайно развитой сословной иерархией, закреплённой

правовыми нормами. Ключевым принципом уэркъ хабзэ была рыцарская мораль, что делало его всецело схожим со средневековым рыцарством. Обращение к уэркъ хабзэ немаловажно в контексте данного исследования, ибо именно рыцарская культура в истории многих народов становилась одним из факторов способствующих объединению нации. Стержневое место в рыцарском этикете занимают дух благородства и воинственности. В этом смысле адыгский дух рыцарства представляет особый интерес, ибо в глубоком понимании его природы, раскрываются многие стороны жизни адыгов, в том числе причины их разобщенности.

Обращение к психологическому фону народа важно, ибо моральные и интеллектуальные особенности, совокупность которых выражает душу народа, представляют синтез всего его прошлого, наследство всех его предков и побудительных причин его поведения. Этнокультурная память, предопределяющая судьбу народов, руководит также их верованиями, учреждениями, искусством. Без предварительного знания духовного склада народа история его жизни представляется хаосом событий, управляемых одной случайностью.

В истории адыгов, в свою очередь, поражает тот факт, что талантливый и не лишённый высокого интеллекта народ хладнокровно сам себя уничтожал на протяжении веков. Их дух соперничества был направлен не на творческий поиск, не только на созидательное начало, но часто на разрушение. Честь и слава – вот два мотива, во имя которых адыги совершали подвиги, шли на самые невероятные безумства и гибель. В данном случае, индикатором в определении психологического портрета адыгов выступает признак пассионарности. Сторонним наблюдателем он воспринимается как непреодолимое стремление к намеченной цели, пусть даже иллюзорной, но для достижения которой носители её – пассионарии – не жалеют как собственной жизни, так и жизни своего потомства. В свою очередь, пассионарный перегрев ведет к жестоким кровопролитиям как внутри системы, так и на границах её, в регионе этнических контактов. И наоборот, при полной инертности и вялости населения, когда уровень пассионарности приближается к нулю, теряется сопротивляемость окружению, этническому и природному, а это всегда кратчайший путь к гибели. [8]

Если посмотреть с этих позиций на историю и культуру адыгов, то напрашивается вывод о том, что на протяжении тысячелетий его жизненного пути пассионарный перегрев его сменялся не один раз пассионарной энергичностью и это послужило главной причиной взлетов и падений его уклада жизни и культуры. Именно пассионарный перегрев этноса на поворотных этапах его истории послужил причиной непрерывной междоусобицы среди адыгских племен, ревниво относящихся друг к другу и превыше всего ставивших свою свободу. Тысячи интересов раскалывали этот народ на множество независимых племён и родов, толкали их на самоуничтожение, а когда пассионарность подходила к нулевой отметке, то эти народы становились легкой добычей пришлых племён и народов, которые не только беспощадно уничтожали их, но и вытесняли со своей исторической территории. [9] Все это отбрасывало адыгов на десятки лет назад и именно в этом была причина их разобщенности, как и того, что после их предков синдромеотских племён, у адыгов не было государственности. На всё это в определенной степени наложил отпечаток уэркъ хабзэ, через который воспитывался у адыгов дух неподчинения, соперничества, неукротимая жажда независимости, доходящее иногда до абсурда свободолобие, постоянное стремление к индивидуальной славе, личному подвигу.

Особенность духа адыга, воспитанного по адыгэ хабзэ, являлась одной из причин того, что адыги не создали централизованного государства. Психологический аспект сыграл в этом контексте негативную роль, невзирая на его кажущуюся легковесность. Свободолюбивый

характер затруднил формирование у адыгов государственных структур. Психологические особенности характера этого народа, вытекающие из его образа жизни стали одним из непреодолимых препятствий к объединению адыгов и созданию ими централизованного государства.

Таким образом, традиционная культура имела двойное значение - с одной стороны являясь мощным саморегулирующим рычагом в общественно-политических процессах, с другой стороны, усиливая раскол в обществе.

Литература:

1. Библер В.С. Мышление как творчество. М., 1975. 113 с.
2. Бэрзэдж Н. Изгнание черкесов. Майкоп, 1996. 84 с.
3. Губман Б.Л. Смысл истории, очерки современных западных концепций. М.:Наука, 1991. 83 с.
4. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. 85 с.
5. Мир России. Евразия: антология. М.: Высш. школа. 1995. 117 с.
6. Мнацаканян М.О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты. М., 1998. 165 с.
7. Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 1996. 304 с.
8. Унежев К.Х. Феномен Адыгской (Черкесской) культуры. Нальчик, 1997. 226 с.

References:

1. *Bibler V. S. Thinking as creativity. M., 1975. 113 p.*
2. *Berzedge N. Exile of Circassians. Maikop, 1996. 84 p.*
3. *Gubman B. L. Sense of history, sketches on modern western concepts. M., Science. 1991. 83 p.*
4. *Gumilev L. N. Thousand years round the Caspian Sea. M., 1993. 85 p.*
5. *World of Russia. Eurasia. Anthology. M.: Higher school. 1995. 117 p.*
6. *Mnatsakanyan M. O. Ethnosociology: nations, national psychology and international conflicts. M., 1998. 165 p.*
7. *Panesh E.Kh. Ethnic psychology and international relations. Interaction and features of evolution (on the example of Western Caucasus). SPb., 1996. 304 p.*
8. *Unezhev K.H. Phenomenon of the Adygh (Circassian) culture. Nalchik, 1997. 226 p.*